На исходе сороковых годов прошлого века живший тогда в Париже поэт-эмигрант Георгий Иванов написал стихотворение, со временем ставшее классикой в ряду поэтических завещаний и вобравшее его сбывшуюся надежду «вернуться в Россию стихами».

* * *

В ветвях олеандровых трель соловья.
Калитка захлопнулась с жалобным стуком.
Луна закатилась за тучи. А я
Кончаю земное хожденье по мукам,

Хожденье по мукам, что видел во сне –
С изгнаньем, любовью к тебе и грехами.
Но я не забыл, что обещано мне
Воскреснуть. Вернуться в Россию – стихами.

1948

Как пишет Андрей Арьев в открытой в сети книге «Жизнь Георгия Иванова. Документальное повествование» (СПб., 2009), для поэта итогом Второй мировой войны «оказался полный материальный крах плюс необоснованные подозрения со стороны литературной братии в коллаборантстве. С 1946 года и до конца дней Георгий Иванов скитался по случайным гостиницам, приятельским квартирам, Русским домам для

неимущих литераторов…». Послевоенная «нищета, тоска по несостоявшейся, зря потраченной жизни обнажили его экзистенциальное «я».
Железный занавес уже отгородил СССР от западной Европы и Георгий Иванов, возможно, не знал, что одно его стихотворение, написанное в эмиграции в 1925 г., приобрело в Советском Союзе огромную популярность. Московский Апрелевский завод выпустил в 1944 г. пластинку возвратившегося в страну Александра Вертинского, где записан его романс «Над розовым морем» на стихи Георгия Иванова. Как сообщается в Википедии, «единственная запись (А.Вертинского) на пластинки в России/СССР была сделана 21, 24 и 26 января 1944 года в Москве в Доме звукозаписи. …пластинки штамповались разными заводами, Апрелевским, Ленинградским, Рижским, Ташкентским и др.; было несколько тиражей в разные годы:
В степи молдаванской / Чужие города…
Над розовым морем / В синем и далеком океане…»

Над розовым морем
муз. А.Вертинского, сл. Г.Иванова

Над розовым морем вставала луна,
Во льду зеленела бутылка вина.
И томно кружились влюбленные пары
Под жалобный рокот гавайской гитары.

Послушай, о как это было давно!
Такое же море, и то же вино.
Мне кажется, будто и музыка та же…
Послушай! Послушай! Мне кажется даже!

Нет, вы ошибаетесь, друг дорогой!
Мы жили тогда на планете другой.
И слишком устали, и слишком мы стары
И для этого вальса, и для этой гитары.

Хотя автор слов был указан на этикетке бессчетного числа грампластинок, поэт Георгий Иванов оставался неизвестным советскому читателю по причине эмиграции, а также вследствие запрета на упоминание Гумилева, с которым он был связан как участник

петербургского «Цеха поэтов», возглавлявший его вместе с Г.Адамовичем в 1916-17 гг. и некоторое время, до сентября 1922 г., после гибели Николая Гумилева.
В посвященной поэзии Г.Иванова и представленной в Интернете диссертации Анны Трушкиной (М., 2004) подчеркнуто, что «в современном культурном сознании Георгий Владимирович Иванов (1894-1958) появился внезапно, не просто хорошим поэтом, но мэтром… «Эмиграция» затянулась – не до 1958, а до 1990-х гг. Его первые стихотворные сборники, выходившие до революции, сохранились в библиотеках, но мало кого интересовали. Первой публикацией поэта на родине после долгих лет забвения стала подборка стихов в журнале «Знамя» в 1987 году, подготовленная В.П.Смирновым. Лишь в 1994 году, к столетию Г.Иванова, вышло трехтомное собрание его сочинений, явившее читателю дарование поэта в достаточной полноте».

* * *

Тускнеющий вечерний час,
Река и частокол в тумане...
Что связывает нас? Всех нас?
Взаимное непониманье.

Все наши беды и дела,
Жизнь всех людей без исключенья...
Века, века она текла,
И вот я принесён теченьем –

В парижский пригород, сюда,
Где мальчик огород копает,
Гудят протяжно провода
И робко первая звезда
Сквозь светлый сумрак проступает.

Возвращение в 1987 г. на родину Ирины Одоевцевой, жены Георгия Иванова с 1921 г., способствовало росту интереса к поэзии Г.Иванова и легитимации эмигрантской литературы, что отметил Константин Кедров, представляя книгу воспоминаний Одоевцевой «На берегах Невы» (М., 1988): «Сейчас пришло время осознать, что пребывание писателя за границей не делает создаваемую им литературу «эмигрантской». …слово «эмиграция» Ирина Одоевцева очень не любит: «Мы никогда не

чувствовали себя эмигрантами. Мы были и останемся русскими писателями». За этим «мы» очень крупные имена. Среди них – Георгий Иванов, муж Ирины Одоевцевой. Его поэзия ныне возвращается к нам, нисколько не утратив своей первозданной свежести за долгие годы разлуки с русским читателем».

Как сказано в моем эссе «Набоков, Джойс и Юрий Олеша», идеологическое разделение русской литературы на советскую и эмигрантскую преодолевается с начала 1990-х гг. Что имеет отношение ко многим писателям-эмигрантам, в том числе к Георгию Иванову, – ему посвящены многочисленные страницы современной исследовательской, справочной и учебной литературы, издающейся в России.

Из отзывов критиков о поэзии Георгия Иванова.

Роман Гуль в «Новом журнале» (№42, 1955):

«Большой поэт всегда одарен и присущей ему одному *его* музыкальностью, и неким своеобразным «двойным зреньем», сросшимися в единую *его* поэтическую природу. Если на Георгия Иванова обязательно надо было наклеить ярлык какого-нибудь «изма», то это сделать было бы просто. Георгий Иванов – сейчас единственный в нашей литературе – русский экзистенциалист».

Владимир Вейдле в журнале «Континент» (№11, 1977):

«Превзойти этого отчаяния нельзя, но выскажется оно позже, в «Портрете без сходства», при помощи резких прозаизмов – интонационных, не только словесных – гораздо более обнаженным образом. …Совсем как будто и забыт – проклят, вернее, – «искусства сладкий леденец», а все же простенькая или только с виду простенькая музычка возвращается, возникает вновь; невозможно с нею распрощаться».

Владимир Смирнов в журнале «Знамя», где напечатаны стихотворения Георгия Иванова (№3, 1987):

«…доверчивая простота скрывает огромную муку и сияющую надежду».

© Bella Vernikova, 2019